

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

КТО ТАКИЕ РУССКИЕ

Политические расследования

Сергей Кара-Мурза

Кто такие русские

«Алисторус»

2011

Кара-Мурза С. Г.

Кто такие русские / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус»,
2011 — (Политические расследования)

Как пишет С. Г. Кара-Мурза: «Сейчас мы опять втянулись в большую Смуту – или сорвались в ту же Смуту, что началась в России с начала XX века. Есть предчувствие, что эта новая Смута подвела нас к опасной черте. Кое-где распад подбирается к жизненно важному, и этого никакими нефтедолларами не замаскировать. А главное, сам по себе этот процесс не останавливается, какие-то защитные механизмы всего организма России повреждены». В своей книге автор отвечает на самые острые вопросы, касающиеся русского народа и России. Какие трещины разделяют русский народ, какой национализм нужен русским, какие болезни разъедают российское общество, что такое ксенофобия и русофобия применительно к современной России, – эти и многие другие актуальные темы затрагиваются автором в его политическом расследовании.

© Кара-Мурза С. Г., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Введение	6
Кто такие русские	8
Каков источник русскости?	8
Чья русскость под вопросом?	10
Как быть с отщепенцами?	12
Ипостаси России	14
Миссия русского народа	15
Что такое «русское самосознание»?	17
Русская идея: рубежи обороны	19
Что нас соединяет	21
Народ и страна	21
Образ земли в национальном сознании	23
Земля и граница	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Кара-Мурза

Кто такие русские

©Кара-Мурза С.Г., 2011

©ООО «Алгоритм-Издат», 2011

©ООО «Издательство Эксмо», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Мы начинаем упорядочивать разговор о России. Он идет непрерывно, но беспорядочно, с большой страстью. Попробуем усилить в нем рациональную струю, усилием воли умерим чувства.

Это – разговор со своими и для своих, поэтому разговор самый трудный. Тут нам не нужны ни похвалы, ни порицания, мы хотим разобраться в самих себе. Что такое мы из себя представляем – *русские* и все те, кто вместе с русскими строит и защищает, как может, Россию? И что такое из себя представляет сама эта Россия, без которой мы, похоже, жить не можем?

Тут всплывают и мрачные тени этих же вопросов: почему с такой страстью множество великих и малых мира сего век за веком стараются стереть эту нашу Россию с лица земли? А если не стереть, то хотя бы изменить ее так, чтобы она утратила наши черты? И почему к этим старателям век за веком тянется часть самих русских, почему от нас отщепляются бескорыстные клеветники и ненавистники России? Что за червь нас грызет и многих соблазняет?

Вопросы эти опасные, все болтать на эти темы нельзя. Много в этих вопросах невысказанного и, может быть, даже невыразимого. Кто дал нам право высказывать и выражать? Не повредим ли мы какой-то невидимый нерв? Разве можно говорить вслух о сокровенных тайнах матери? Не разрушим ли мы те тонкие связи, что скрепляют людей в большую семью народа? Ведь мы так мало знаем о природе этих связей.

Эти опасения и удерживали нас от такого разговора и наверняка удерживают очень многих. И все же приходится решаться. Мы опять втянулись в большую Смуту – или сорвались в ту же Смуту, что началась в России с начала XX века. Понадеялись, что кровь Гражданской войны, подвижничество индустриализации и общее самопожертвование в Великой Отечественной настолько укрепили нас, что путь наш стал нам ясен, а бес раздора из России изгнан навсегда. Ошиблись, советский порядок лишь подморозил и на время отодвинул сомнения, но потом бесы вырвались на свободу с удвоенной яростью.

Есть предчувствие, что эта новая Смута (или новый виток старой) подвела нас к опасной черте. Кое-где распад подбирается к жизненно важному, и этого никакими нефтедолларами не замаскировать. А главное, сам по себе этот процесс не останавливается, какие-то защитные механизмы всего организма России повреждены. Сверкают витрины супермаркетов, громко звучат скрипки «Виртуозов Москвы», торжественно скачут гусары кремлевского полка, а тревога все сильнее. Вот-вот упустим что-то важное, не услышим тихого крика о помощи – и потеряем главное.

Поэтому данная нам сейчас передышка и должна быть использована, чтобы понять это главное и договориться о нем. Сразу все не договорятся, но хотя бы небольшая часть должна собраться в виртуальное духовное ополчение – перестать толкаться друг с другом в бессмысленных раздорах по вопросам, которые сегодня ничего не решают, начать движение по пути, выводящем нас хотя бы из той трясины, где мы завязли здесь и сейчас. Как только это движение начнется, наше ополчение начнет прирастать людьми, идеями, силами.

Ошибки, которые мы сделаем на первых шагах, будут искуплены и исправлены новым пополнением. Главное сейчас – собрать ядро, центр кристаллизации сил. Это видно уже потому, как тщательно и неустанно трудятся «творцы Смуты» над тем, чтобы разрушить, растворить возникающие зародыши таких ядер и центров. Но их успехи нас уже не могут остановить. Время жизни этих ростков с каждым днем удлиняется, наработанный ими материал не пропадает, а питает следующие проекты, паутина взаимодействия уже стала неразрушаемой. Близится скачок на новый уровень, на котором зародится лавина русского возрождения.

Эта книжка составлена из маленьких главок. В каждой из них рассмотрен какой-то один частный вопрос обозначенной в заглавии темы, и рассмотрен предельно просто – в силу крат-

кости. Простота, конечно, таит в себе опасность – нет места для рассуждений и уточнений. Значит, неизбежно огрубление, можно скатиться и в недопустимое упрощение. Но все же краткие утверждения полезны, для нас сегодня важнее ухватить суть, чем разобраться в тонкостях. Нам надо вспомнить азбучные истины и вернуться от идеологических привидений к языку жестких земных понятий.

Эта книжка – не научный трактат и не учебное пособие. В ней – попытка небольшим числом небольших «мазков» обозначить контуры нынешних размышлений о русских и России. Каждый увидит в этой картине множество изъянов и упущений, будет недоволен беспорядком россыпи поставленных вопросов. Но приходится начинать с малого. Смута, в которую мы погрузились, поставила множество вопросов, на которые пока что нет хорошего ответа. Но эта книжка, надеемся, даст хотя бы грубую канву для раздумий над ответами.

Кто такие русские

Каков источник русскости?

Когда заходит разговор о русских, сразу встает вопрос: «А кто такие русские? По каким признакам мы отличаем от иных, нерусских?» И сразу начинается спор, мы забредаем в лабиринт, из которого трудно выбраться. Нужна общая нить рассуждений и добрая воля собеседников – желание найти общий язык, а не победить в споре.

Вообще, вопрос о том, что такое этничность (в нашем случае русскость), очень сложен. Здесь нет жестких границ и определений, здесь очень много уровней, так что надо почаще пояснять, в каком смысле мы применяем это слово.

В обыденном сознании мы относим людей к тому или иному народу по родству («по крови»). Родился от русских родителей – значит, русский. В большинстве случаев верно, потому что с первого дня жизни ребенок омывается волнами русского мира – слышит русский язык и манеру речи, мать напевает ему русскую колыбельную, с кухни доносятся запахи русской еды. Он начинает подрастать и сам уверен что «родился русским». Труднее в этом разобраться, если отец и мать из разных народов, тут уж приходится выбирать, по общему согласию (и в зависимости от обстановки).

Другое дело, когда народ переживает кризис, а то и бедствие. Здесь к обыденному сознанию полезно добавить хоть немного научного, разобраться в вопросе пожесть. Тут оказывается, что ничего такого ни в крови, ни в генах нет. Помести новорожденного в семью другого народа, и он примет его «душу». Даже если он другой расы. Это установлено досконально. Предок Пушкина ребенком попал к Петру I и вырос русским человеком, ничего эфиопского, кроме темной кожи, у него не осталось. Так что объективно русские это те, кто воспитан в русской культуре. Их «сделали» русскими усилия всего русского народа, всеми его предыдущими поколениями – языком и музыкой, сказками и преданиями, попами и царями, Разиным и Менделеевым, Сталиным и Горбачевым, всей бурлящей и противоречивой жизнью русских и влезавших в эту жизнь «чужих», и друзей, и врагов. Все они лепили и закаляли (или растлевали) нашу русскость.

Ее воспитывало и наше пространство, освоенное и созданное русскими и братскими нам народами. Ведь наша земля – это давно уже творение нашей культуры, она покрыта городами и селами, дорогами и линиями электропередачи, полями культурных растений и космодромами. Все это несет в себе наш взгляд на мир, наше знание и ошибки, нашу точность и безалаберность. Как дом любой семьи и земля любого народа. Во все это мы непрерывно вглядываемся, обдумываем, переживаем и питаем свою русскость.

Но не менее важна сторона субъективная. Чтобы быть русским, надо себя *осознавать* как русского. Это – четкий водораздел. За несколько веков совместной жизни в России очень многие люди по своей культуре и языку перестали отличаться от русских. Но они сохранили самоосознание и имя своего народа и считают себя, например, чувашами или мордвинами. Это не только их право, это достойно уважения, так как этническое разнообразие при общем культурном ядре – большая ценность, хотя и усложняет многие общественные отношения.

Так что, быть русским значит добровольно и четко принять на себя это звание – и счастье, и крест. Тут заставить никого нельзя, и если для кого-то крест покажется тяжелым, он всегда найдет повод от него отодвинуться. Один вдруг вспомнит про свою еврейскую бабушку, другой откопает свои латышские корни. Говорят, какой-то депутат Госдумы даже утверждал, что он печенег.

Так что вот два первых критерия: к русским надо причислять людей русской культуры, которые сами считают себя русскими.

Сложнее проблема с дискриминацией. В трудные моменты у одной части народа возникает желание изгнать из него другую часть своих соплеменников (это именно рецидив племенного сознания, отзвук тех времен, когда такое изгнание было равносильно смертной казни). Мол, такие-то и такие-то – не настоящие русские, а только притворяются. Если партия националистов такого толка приобретает влияние (духовное, экономическое или политическое), то в народе возникают трещины и расколы, а в пределе – гражданские войны. Но об этом надо говорить особо.

Чья русскость под вопросом?

Будем договариваться, снимая противоречия слой за слоем.

С основной массой нашего народа проблем нет. Это люди, как говорится, славянской внешности, родившиеся от русских родителей и воспитанные ими. У них русские имена и фамилии, они говорят на родном для них русском языке и сами считают себя русскими. Это для них так привычно, что вопросу удивились бы и они сами, и окружающие.

Сомнения возникают относительно *небольшых* групп. Надо ли о них говорить – или можно просто не обращать внимания? Говорить о них надо, потому что некоторые из них очень влиятельны.

Первая проблемная группа, с которой осложняется дело, это те, кто сам себя считает русским, а в среде русских возникают сомнения. Вот, недавно в Петербурге похоронили прах императрицы Марии Федоровны. Она была датской принцессой по имени Дагмар, вышла замуж за Александра III и переехала в Россию. Считаем ее русской? Видимо, да – ведь сам Патриарх Московский и всея Руси вел службу на похоронах. Но почему, все же, мы ее признаем за русскую? Из уважения к Патриарху? А может, из уважения к ее титулу – все-таки царица? Если бы наш сосед Вася Петухов привез себе жену-турчанку, в Стамбуле на рынке познакомился – признали бы мы ее за русскую? Возникли бы сомнения, даже если бы она сносно заговорила бы по-русски.

Значит, звание русского не всегда дается от рождения, его можно и чем-то заслужить? Именно так. И ничего в этом нет странного. Суворов был родом из финских дворян, но о себе сказал: «Я не немец, а природный русак». Его приняли в русский народ и полюбили. Таких среди нас очень много, это и говорит о силе народа и русской культуры.

Почему же нас удивляет, что русским можно стать? Потому, что мы смотрим на дело из гущи тех, для кого их принадлежность к русским так очевидна, что кажется их природным свойством. Чем же человек может заслужить, чтобы его признали русским, даже без подвигов, как у Суворова? Тем, что ведет себя соответственно общепринятым нормам русской культуры – не лезет в наш монастырь со своим уставом. Мало того, он своими словами и делами показывает солидарность с русскими, радуется с нами и «плачет нашей слезой».

Долго обсуждая, и так, и эдак, этот непростой вопрос, один видный ученый в этой области дал такой краткий вывод:

1. Два человека принадлежат к одной нации, *если, и только если*, их объединяет одна культура, которая понимается как система идей, условных обозначений, связей, способов поведения и общения.

2. Два человека принадлежат к одной нации, *если, и только если*, они признают принадлежность друг друга к этой нации. Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они ни были.

Кажется, тут сказаны вещи простые и очевидные. Но мы увидим, какие из них вытекают важные следствия. Вот, например, «новые русские». Вроде бы они – такая же часть русского народа, как и большинство. Но ведь они явно не признают своих обязанностей по отношению к большинству русских и не проявляют почти никакого товарищества (об отдельных приятных исключениях не говорим, речь идет о социальной группе). Тут уже пролегла трещина, и они мало-помалу уплывают от нас, становятся *отщепенцами*. Это для многих из них станет трагедией, если вовремя не одумаются. Но ведь и мы все должны помочь им одуматься, для нас каждый русский – брат, пока не перешел грань.

Но об этом будет особый разговор. А сейчас – о другом важном следствии из этой формулы. Когда человек, в чем-то отличный от основной массы русских, заявляет, что сам он себя считает русским, он делает очень важный шаг. Он просит «принять его» в русский народ. Это особенно важно, когда Россия переживает трудные времена, когда русским приходится туго – как сейчас. Таких людей нельзя отталкивать, их надо поддерживать. Надо помогать им осваивать нашу культуру и язык, понимать правила жизни и сигналы, которыми без слов обмениваются русские. Как к подозреваемым надо подходить с презумпцией невиновности, так и к ним надо относиться с презумпцией добрых намерений.

Такое отношение как раз и является частью русской культуры, потому и прирастал такими людьми русский народ. Другие народы России и даже дальних стран питали наш народ своими людьми, которые по разным причинам осознали себя русскими и захотели встать в наш строй. Поэтому русские стали одним из десяти *больших* народов мира, хотя в момент нашего вступления Наполеона нас было в полтора раза меньше, чем французов.

Сейчас, под давлением бедствия, кое-кто из нас желал бы изменить эту установку нашей культуры, оборвать связи, замкнуться русским в себе. Это было бы большой ошибкой, и этого никак не поддержит большинство. Наоборот! Русские не выживут без России, а ее надо укреплять, наращивая притяжение к русскому ядру. Хотя сегодня это очень и очень трудно.

Как быть с отщепенцами?

Мы уже говорили о том, по каким признакам принимают в русский народ тех, кто сам хочет стать русским. Но гораздо сложнее дело с теми, кого мы считали русскими, а они от этого звания отрекаются. Как с ними быть?

Можно, конечно, рвать на груди рубаху и потрясать кулаками: «Отступники! Отщепенцы!» Иной раз надо отвести душу, но делу это не помогает. Тут или надо найти способ вернуть «отщепляющихся» в лоно русского народа, или найти способ ужиться с ними как «братским народом» – да, отделились как народ, но ведь братский! Или, если не справимся с этими задачами, ограничиться пока «добрососедскими отношениями», хотя оголтелые с обеих сторон могут и этого не дать.

Мы должны смотреть на эти вещи трезво. Объединяться с одними, звать в братский союз других, искать взаимовыгодные соглашения с третьими, понимать намерения враждебных нам четвертых.

Национальность – не клеймо, поставленное навеки. Мы признаем, что выходцы из других народов могут влиться в число русских. Вот, первый крупный русский поэт, царедворец Державин. Пушкин сказал о нем: «сей гений думал по-татарски и русской грамоте не знал». Вот Борис Годунов, умный и трагический русский царь – «по крови» чистый татарин. Вот Лев Толстой, потомок татарского княжеского рода. И так – поныне. Народ – живая система, поток, чьи струи сливаются и расходятся. Как ни прискорбно расхождение!

Глянем вокруг и увидим, что это и есть реальная жизнь народов. Был на Балканах большой народ. Но при расколе христианства часть его стала католиками и даже писать стала на латинском алфавите – назвала себя хорватами. А сербы остались православными и пишут на кириллице, как русские. Другая часть не выдержала кнута и пряника турок и приняла ислам, отделилась от сербов в Боснии. Казалось бы, разницы никакой – язык тот же, хлеб едят одинаковый. И можно, если постараться, собрать их в одну страну и уже почти в один народ – через общую партизанскую армию, общий проект жизнеустройства. Но рухнул СССР, рухнула и Югославия – и эти части поджигателям опять удалось растащить до страшной войны. Одна сербка сказала тогда ученому-этнологу: «Теперь все ненавидят Тито, потому что он был хорватом. До того, как все это началось, я даже и не знала, что он хорват. Но даже если бы я и знала об этом, это бы меня никак не волновало. До того, как все это началось, никого бы это не волновало».

Из этого видно, что объединение – сложная вещь, она требует ума, сердца и воли. Надо понимать, какие условия ведут к объединению, а какие – к отщеплению. Пытаться загнать кого-то в свой народ силой бесполезно.

Мы старались не думать о расщеплении русских – тяжело. Но если уж заниматься делом, а не в чувствах копаться, то такие случаи надо знать и извлекать уроки. Когда наш знаменитый генерал Ермолов успешно завершил Кавказскую войну, царь сказал: «Проси, чего хочешь, все для тебя сделаю». Тот ответил: «Ваше Величество, сделайте меня немцем». Сказал дерзость, указал царю на засилье немцев в верхах, невоготу стало. А в 1790 г. бухтарминские старообрядцы, выходцы из центра России, просили царицу даровать им статус инородцев, это дало бы им многие льготы (и царица их прошение удовлетворила).

Да и сегодня. Вот, мы считаем казаков частью русского народа, а ведь среди них сильна партия, которая требует признать казаков «репрессированным народом» (как чеченцев и крымских татар). Льгот захотелось, и предпочитают объявить себя особым народом. И основания для этого при желании всегда можно найти. Ведь беглые рязанские крестьяне, создавая свои ватаги на Дону, всех к себе принимали, анкет не требовали. А жен себе привозили из набегов, турчанок да персиянок. Кто читал «Тихий Дон», помнит, что дед Григория Мели-

хова привез себе жену-турчанку из похода. С точки зрения науки, казаки – субэтнос русского народа, то есть его региональная часть со своими особенностями. Но если они решат назвать себя особым народом, спорить будет бесполезно, наука тут бессильна.

То же и с русскими в Латвии. Они сейчас живут в другом государстве, с другим народным хозяйством, другими возможностями, другими бедами. Очевидно, отдаляются от ядра русских, но отрываться не собираются. Будут «в чем-то иными» русскими.

В том-то и искусство объединения, чтобы понять, в чем отделившаяся часть «иная». А поняв, разумно решить, какую «инаковость» надо уважить, а какую попытаться преодолеть или изжить. Наломать дров легко, но своему народу добрую службу сослужат только те, кто умеет собирать людей и земли «светлым путем», то есть умеют добиться цели, наломав дров поменьше.

Ипостаси России

Когда мы думаем и говорим о таких больших вещах, как народ и страна, полезно сначала мысленно охватить целое, а потом представить себе его строение и уточнить, о какой именно части этого целого идет речь. Иначе всегда будем спорить до хрипоты и рассуждать, как семеро слепых о слоне – один схватил его за хвост, другой за хобот, третий за ногу. И вот спорят каждый о своем. Эта слабость нашего мышления типична, но все же удивляешься, как долго нас ухитряются удерживать в этой ловушке.

Первым шагом в подходе к строению образа страны как целого может быть рассмотрение ее в двух ипостасях: страна как *пространство* и страна как *народ*. Скажешь Россия – и сразу возникает образ ее пространства и образ народа, который это пространство соединил и одухотворил. Ведь страна – это не просто часть земной поверхности, не территория в ее физическом смысле, это обитаемое народом пространство, почти буквально созданное людьми, соединенными в народ с его культурой.

Сразу, конечно, мы думаем и о *государстве*, которое соединяет пространство и народ. Оно «держит» территорию, охраняет границы «нашей» земли, вод и неба, бережет ее недра и воды, леса и воздух, защищает наше духовное пространство. Оно устанавливает порядок, по которому народ пользуется всеми этими богатствами, а люди уживаются друг с другом. Государство вместе с обществом соединяет и организует все ипостаси страны. И народ, и государство, и даже само пространство страны – явления исторические, изменчивые. Они были не всегда, когда-то возникли, с течением времени меняли свои формы и свойства. Когда-то, говорят, они «отомрут», то есть, преобразуются в какие-то новые формы, совсем непохожие на нынешние.

Но это – за пределами того «длинного» времени, за которое мы отвечаем. А сейчас мы переживаем критический период, нам довелось посетить сей мир в его минуты роковые. За то, как мы проведем страну через эти опасные перекаты, с нас спросят потомки. Для нас первая задача – понять, что происходит здесь и сейчас, какие угрозы стране вызревают в окружающем нас тумане и куда они протянут из тумана свои страшные лапы.

Сначала кажется, что пространство мы знаем лучше, чем свой народ – изучали в школе географию, что-то помним даже из экономической географии. Но и эти знания очень скудны – смотрите, какие споры снова начались по сравнительно простому вопросу: является ли Россия частью Европы, Евразией или вообще особым целостным пространством. В школе нас не учили глядеть на страну сверху, «с небес».

Но уж о народе знаем мало. Странное дело, кого ни спросишь, когда и при каких обстоятельствах возник русский народ, вопрос приводит в замешательство. Как-то люди привыкли думать, что русский народ был всегда. Спросишь, а что нам про это в школе говорили, – не могут припомнить, чтобы эта тема вообще поднималась. Так не годится. Наш народ переживает трудные времена – недомогает, поправляется, снова болеет, а мы даже возраста его не знаем.

Может быть, это неважно? Ведь вот он, русский народ, как на ладони. Надо просто любить его, каков он есть, и не мудрствовать. Любить надо, а не мудрствовать нельзя, заведут в ловушку. Тема народа – вечный хлеб демагогов и отравителей духовных колодцев. Да и не на ладони наш народ, а живет в очень сложных пространствах и временах, в нем бушуют огромные силы и раздирают сильные страсти. Минимум знаний нам необходим. С лица земли исчезло множество народов, даже больших и развитых, отчасти потому, что не осознали они сами себя, не было у них к этому тяги, не нашлось таких мудрецов. У нас с мудрецами тоже не очень-то, так давайте понемногу сами наверстывать, в разговоре «между собой». Трудно это, тема для всех нас жгучая, но надо постараться.

Миссия русского народа

О русских говорят, что у них мессианский дух. Кто говорит с неприязнью, кто с уважением. Мессианский дух – значит общая забота о том, что русские скажут миру, какую мысль несут они человечеству. Это забота не о том, родится ли у нас гений, к которому прислушается мир (как, например, Лев Толстой или Ленин). Миссия народа – выстрадать общее народное мнение, безымянное и, быть может, даже явно не высказанное. Но выраженное так, чтобы люди в разных уголках Земли подумали: «А русские считают, что так нельзя».

Мессианским духом обладают не все народы. Скорее, даже мало таких, что захотели бы взвалить на себя этот крест. Большинство хочет иметь «свою хату с краю». Часть народов слишком уж впала в либерализм – здесь люди считают себя свободными индивидами, гражданами мира, и ни о каком народном мнении и слышать не хотят.

Те народы, в которых такая забота зародилась и живет, самобытны. Они по-разному видят свою миссию. Образ каждой из них можно собрать по крупинкам из песен, сказок, литературы и философии. И хотя век от века этот образ меняется, в нем есть постоянное ядро. То англичане гордились, что Англия – «новый Израиль», создала капитализм с его духом наживы, то Англия – «мастерская мира», то пели «правь, Британия, морями» и говорили о «ноше белого человека» – по морям они несли цивилизацию индусам и китайцам.

Что же русские, как они сами ощущали свою миссию, что думают сейчас? Были горькие мысли, с самоотрицанием. Вот, духовный отец наших западников, Чаадаев. Он считал, что Россия создана, чтобы давать миру отрицательные уроки – «как не надо делать». Так расписал, что его отправили в сумасшедший дом. Чаадаеву поверила небольшая часть интеллигенции, ее слушали с интересом, но это не был голос России.

Через века прошла другая мысль: «Москва – третий Рим». Западников она возмущает, они стараются ее оболгать – мол, русские тянутся к мировому господству. Вранье, с самого начала речь шла о миссии духовной, о России как хранительнице христианства. Первой державой с царями-христианами была Римская империя, потом Византия (второй Рим). Оба пали, и хранить православие взялась Россия.

Какая же из этого выводится идея для человечества? Как она звучит без религиозных одежд? Смысл ее в том, что мироустройство должно быть справедливым, что человечество должно быть семьей народов, в которой надо заботиться обо всех и не обижать слабых. Эта идея в русском сознании постоянна, меняет лишь форму. Она не задана официальной идеологией – иногда ей противоречит, иногда совпадает. Иногда обретает силу, иногда приглушается. Но жила и живет.

Старые помнят – в войну все знали, что русские выполняют мировую миссию – «отребьям человечества склотим крепкий гроб». Когда сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, люди были возмущены: «Зачем! И так война кончалась. Сколько народу погубили!» Когда французы вторглись во Вьетнам, говорили с презрением: «Какая подлость! От японцев убежали, бросили колонию. Вьетнамцы сами воевали, выгнали японцев, так теперь нечего лезть». А как радовались Кубе – еле на карте видна, а не побоялась монстра. И это мнение русских ощущалось во всем мире.

Кто-то скажет, что в советские времена это мнение навязывала идеология. Это неверно, скорее идеология питалась этим мнением. Ведь так же было дело и в царской России. Уж как не хотели принимать Грузию под свою руку, но пожалели – сожрут ее Турция и Иран. Жалели африканцев, которых увозили в рабство. Русские военные моряки, даже в научных экспедициях, гонялись за кораблями работорговцев – вспомним рассказ Станюковича «Максимка». Жалели болгар и шли добровольцами на турецкую войну. Жалели буров, потому что с англи-

чанами у них были неравные силы. Русские добровольцы ехали помогать бурам, но никто – англичанам.

А еще нагляднее – сейчас. Русские сегодня расколоты по идеологиям, по доходам. Но происходит в мире нестерпимая подлость – и мнение их практически едино. Так было, когда НАТО бомбило Сербию. Скажут – православная солидарность. Не только! То же самое было, когда США стали бомбить, а потом вторглись в Ирак. Единодушное мнение! Да, сил у нас сейчас нет, но все знают: русские против!

И вот, в 2001 г. социологи провели большой опрос – что граждане Российской Федерации думают о русском народе, о его роли в мире. Ответы удивили тем, что одинаково думают и молодые, и старые. Вот первые позиции в большом списке:

Доля оценок русского народа (в % от количества опрошенных)

Характеристики	Возрастные группы (лет)			В целом
	18-24	40-49	50-59	
Народ-освободитель	74,2	80,1	79,4	78,9
Созидатель великой культуры	78,4	77,7	80,6	78,2
Защитник народов	60,8	65,8	65,2	63,9

Народ-освободитель, защитник народов! Тут нечего добавить.

Что такое «русское самосознание»?

Человек – существо общественное. Как сказал Аристотель, вне общества могут жить только звери и боги. Сознание человека, с момента рождения и до смерти, строится и перестраивается. В этом строительстве важны его личные усилия, его сугубо интимные переживания, озарения, открытия. Но они происходят в «поле» коллективных представлений, которое задает личной работе ума и совести руководящую нить, слова и понятия, признаки различения добра и зла.

Человечество возникло не как однородная масса, а в виде «сгустков» культуры. Эти «сгустки» – сплоченные множеством связей умы и души людей, собранных в народы. Поэтому в сознании человека есть ядро, в котором «записаны» коллективные представления его народа. Это самая устойчивая часть «культурного ядра» того общества, в оболочку которого «упакован» народ.

Общество меняется довольно быстро, а ядро культуры народа прочно. Так, русский народ существовал в формах сословного феодально-общинного общества, пережил вторжение капитализма с попыткой разделить народ на классы, прошел через чрезвычайные периоды Гражданской войны и военного коммунизма, передохнул во время НЭПа, совершил рывок и военную мобилизацию в рамках тоталитаризма. Потом расслабился и пожил спокойно в «почти неклассовом и почти несословном» советском обществе – и тут его потрянула перестройка и реформа, породившие общество аномальное, ни в каких учебниках не предусмотренное. Но за все это время ядро русского самосознания принципиально не изменилось. В чем-то оно повреждалось, какие-то его блоки в новых условиях заменялись, но «генетический код» сохранялся. Была попытка в 90-е годы вырастить в пробирке реформы «новых русских», но провалилась. Кишка тонка оказалась.

Вот эту «сохраняемую вечно» часть самобытного культурного ядра называют иногда «центральной мировоззренческой матрицей» народа. Грубо говоря, на этой матрице собирается народ, а затем на ней штампуются каждое последующее поколение. Обрамление ее может меняться, так что части народа могут даже разодраться, но и при такой катастрофе хорошо сложенная матрица выдерживает взрыв и затем соединяет расколотые части народа. Так срастались эти части после раскола XVII века и после Гражданской войны, так же мы обязаны их срастить после нынешней Смуты. Не сумеем – позор на наши головы. Хотя, конечно, отравители колодцев поднаторели за XX век, много новых ядов наварили в своих лабораториях...

Ниже идеологии лежат слои сознания, в которых умозаключения делаются быстро, исходя из готовых установок. Это запас традиционного «неявного» знания. Чтобы его применить, человеку не надо задумываться. Есенин писал:

Мы многого еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
Но песни новые по-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

На этом уровне сознания расположены, например, стереотипы хозяйственного поведения. Мы видим, что массовое сознание отвергает несправедливо нажитое богатство и не слишком торопится навесить на себя обузу частной собственности. Инерция? Да, но и «проверенная временем» осторожность, а вовсе не фанатизм.

Пожалуй, можно назвать три устойчивых составляющих русского самосознания. Частично мы уже говорили об этом, но надо повторить еще. Первая составляющая народного самосознания – православные представления о добре и зле, о мире и человеке. Они прохо-

дят с нами через века, вопреки ересям и расколам, революциям и реакции, атеизму и новым вспышкам религиозности. Они прочно вошли в мировоззренческую матрицу русских, и никаким реформаторам их из нее не выбить.

Вторая – коллективная память об исторических выборах, которые России пришлось сделать, находясь, по словам Менделеева, «между молотом Запада и наковальней Востока».

Третья – русский тип мышления, соединяющий крестьянский здравый смысл с космическим чувством. Как сказал поэт о русском уме, «он трезво судит о земле, в мистической купаясь мгле».

Это сочетание блоков русского сознания дает ему устойчивость и гибкость. Конечно, не ко всем ударам оно готово, иначе бы задубело. Но после ударов восстанавливается быстро (ох, хотелось бы побыстрее!).

Особый вопрос – как в этом нашем типе сознания видимся себе мы сами, русские?

Русская идея: рубежи обороны

Наш народ в состоянии смуты. Длится она уже целый век. Лишь на короткое время прямой угрозы с Запада и большой войны XX века народ соединился в одну семью. Но для этого каленым железом выжгли инакомыслие – угроза заставила. Нам льстят, когда называют то время «казарменным социализмом». Это был «социализм окопный»! Но когда в тебя стреляют, окоп – самое лучшее место. Вокруг чего же мы тогда соединились в нашей земной жизни? В том, вокруг чего соединились, видимо, и была главная идея народа – она и есть русская идея.

Мы говорим о земной жизни, только в ней народ – главное лицо. А перед Богом все люди – братья. Души уже не принадлежат народу, они не носят ни сарафана, ни пиджака, ни даже брэнного тела. Конечно, совесть каждого народа задана его религией, но не сливается с нею. Мы получаем «сигналы свыше», но за свои идеи, слова и дела отвечаем сами.

Почему же только перед лицом угрозы уничтожения появилась в нас острая потребность соединения? Такая острая, что приняли и жертву коллективизации, и перегрузки индустриализации, и даже кровь ГУЛАГа. Здесь – одно из свойств русских, часть нашей идеи. Это свойство – потребность мыслить, быть духовным странником и землепроходцем. Мы постоянно отрицаем свое состояние, принимаем, хотя бы в мыслях, состояние «другого». Для такого перемещения мы всегда имели пространство. «Россия – избяной обоз», – сказал поэт. Крестьяне убегали от власти в казаки, а казаки становились государственниками и осваивали Сибирь и Америку. И никто не становился «человеком массы».

Мы отказываемся от этого лишь в самый крайний момент. Даже когда пришлось русским собраться в тоталитарное общество, это был тоталитаризм военного отряда, а не лагерного барака. Прошла смертельная опасность – и мы снова странники. Понятно, как дорого обходится всем нам эта роскошь – ничто так не губит наше благополучие, как всеобщее инакомыслие, эта наша свобода. Посмотришь, как удобно живет средний европеец и как он по-куриному мыслит, – и порой возникает соблазн: хоть бы какой-нибудь черт вышиб из наших голов это постоянное «отрицание отрицания». Поменял бы радость и мучение непрерывной мысли и сомнений на сытый комфорт.

Сохраним ли мы эту главную русскую волю? Гарантии нет. Уж очень большие силы нас подтачивают и соблазняют – и нужда, и телевидение, и учебники Сороса. Гарантии нет, но надежда есть. Пока что человек держится – Пушкин помогает и нужда ведь не только отупляет, но и просвещает. Да и Церковь православная подставила плечо, хотя, вроде, не ее это дело – поощрять свободомыслие. Но такую уж вырастила она на нашей земле культуру, что сделала русского человека соборной личностью, а не индивидом, не механическим атомом человечества. Самой Церкви, видно, трудно приходится с таким человеком, но, спасибо ей, не снижает духовного требования, не укорачивает человека.

Вот первая ипостась русской идеи: человек – личность. Поднявшись до соборности, осознав ответственность, ограничив свободу любовью, он создает народ. А значит, он не станет человеческой пылью и в то же время не слепится в фашистскую массу индивидов, одетых в одинаковые рубашки («одна рубашка – одно тело»).

Мы не замечаем даже самые великие ценности, когда они привычно нас окружают. Не замечаем же мы, какое это счастье – дышать воздухом. Так же жили мы среди наших людей и не замечали этого их чудесного свойства – каждый из них был личность. Он все время о чем-то думал и что-то переживал. Посмотрите на лица людей в метро. Не боясь окружающих, люди уходят в себя, и на лице их отражаются внутренние переживания. В метро Нью-Йорка все лица похожи на полицейских – все одинаковы, все вежливы и все настороже. Они как будто охраняют хозяина.

Сейчас многие русские хлебнули Запада и начинают трезветь, понимать то, что скрывали от нас реформаторы: главный смысл их дела – чтобы перестала наша земля и наша культура с детства растить человека как личность. И тогда устранена будет из человечества русская идея, к которой так тянутся люди, пока их не оболванят.

Угрозы для этой идеи сегодня очень велики. Сегодня разрушают условия ее сохранения и развития – хозяйство как материальную базу для жизни народа и культуру как матрицу, на которой народ воспроизводится в каждом новом поколении. Подтачивают те неброские вещи, которые хранят и передают детям смыслы нашей сущности – школу, литературу, песни. От нашей чуткости, ума и воли зависит, удержим ли мы оба эти фронта, пока вновь соберется с мыслями и силами народ.

Должны удержать, даже если какие-то отдельные стороны русской идеи мы понимаем по-разному. Возможно, мы вообще ее в словах никогда и не выразим. Одно ясно: эта идея жива, пока жив ее носитель – русский народ.

Что нас соединяет

Народ и страна

Человеческим «наполнением» страны является не население, не совокупность индивидов, подобная куче песка, а народ. Он может быть организован по-разному – и как гражданское, и как сословное, и как кастовое, и как советское общество. Связи объединения людей в социальные группы более слабые, чем связи этнические в народ или нацию. Большие общие дела типа отечественной войны делает народ в целом (не считая отщепенцев – дезертиров и предателей). Да и большие революции совершают не классы, а народы. Просто они на время раскалываются, и расколотые части относятся друг к другу, как к разным народам.

В конце XX века Россия как страна вошла в тяжелый кризис и оказалась на грани гибели. Ее уже расчленили, оторвав (скорее всего, на время), большие земли, издавна сложившиеся в одну страну. Ядро России, русский народ, также оказался расчлененным, и какой-то части русских, возможно, даже придется служить в армии государств изначально враждебного России военного блока НАТО. Это – национальная трагедия, надо смотреть на это прямо.

Согласно привычным представлениям, страны ликвидируются или уродуются вследствие поражения в войне. Однако непосредственной причиной их гибели или расчленения может быть исчезновение народа, слом или порча механизма, воспроизводящего те связи, которые соединяют людей в народ. Население при этом сохраняется и, бывает, даже не вымирает, но народа нет – есть «куча песка» из индивидов, мелких групп, кланов и шакк. Часто именно это бывает и предпосылкой поражения в войне.

Распад народа может происходить незаметно, так что страна и государство слабеют с необъяснимой скоростью и становятся легкой добычей внешних сил (как это произошло в Китае в конце XIX века, когда там реально стал властвовать Запад и высасывать из страны все соки). В других случаях углубление кризиса наблюдается и даже изучается, но он представляется как накопление социальных противоречий (как было в Российской империи в начале или в СССР в конце XX века).

Механизм соединения людей в народ поддается анализу и изучению. Раньше этим занимались жрецы и мудрецы, теперь профессиональные ученые в больших научных центрах. Раз объект можно изучить, значит, можно создать и эффективные технологии воздействия на него. Так за последние десятилетия были найдены методы, которые приводят к поломкам механизма собирания и сохранения народа, к отказам этого механизма или даже его переподчинению заданным извне программам, заставляющим этот механизм работать на разрушение скрепляющих народ связей.

За последние десятилетия это и произошло с Россией. Уже с начала 70-х годов стратеги «холодной войны» посчитали именно этнические связи между народами и внутри каждого народа самым слабым местом Советского Союза. Сюда и были направлены главные усилия, но ни властвующие в СССР старики, ни общество в целом этого не заметило и не поняло.

Период «перестройки» стал большой спецоперацией холодной войны, целью которой был демонтаж советского народа. К 1991 г. этот демонтаж был проведен на глубину, достаточную для ликвидации Советского Союза при полной недееспособности всех защитных систем государства и народа. После 1991 г. стало нарастать стихийное, неорганизованное сопротивление «контуженного» перестройкой народа и патриотической части государственной власти. Поэтому программа «разборки» народа продолжалась с некоторой потерей темпа, особенно после 2000 г. Но параллельно велось и совершенствование технологии, так что ее обновленная версия была с успехом применена в Сербии, Грузии и на Украине в форме «цветных» револю-

ций. Готовятся штабные карты и для подобной операции в Российской Федерации. Чем быстрее мы освоим современное знание о том, что такое народ, чем он скреплен и какие есть слабые места в его конструкции, тем меньшие потери понесем в ближайшие десятилетия XXI века. А они обещают быть очень бурными.

Образ земли в национальном сознании

Народ – это общность людей, скрепленная не отношениями господства и собственности, а отношениями «горизонтального товарищества», чувством принадлежности к одной большой семье. Это чувство порождается общим языком, общей памятью и общими символами, преданиями, взглядом на мир. Но под этим должно лежать что-то жесткое, материальное, принадлежащее всему народу. Среди таких народных достояний особое место занимает *земля*. Для соединения народа она служит и священным символом, и животворным источником (дает «хлеб земной»).

Священным для народа является то место, где он возник – его *родина*. Мы говорим *родная земля*, имея в виду землю, породившую наш народ. Иногда говорят о «почве» (отсюда название одного из течений в национализме – *почвенники*). Куда бы ни забрасывала судьба русского человека, он знает, что у него есть «свое место» – Родина, междуречье Оки и Волги. Здесь с XIII века стал складываться великорусский этнос. Это его «месторождение» (точнее «месторазвитие»).

Конечно, не только в земле дело, возникали и существовали в *одном и том же* ландшафте *разные* племена, которые не сливались в один народ и сохраняли свою самобытность. Но обладание «своей землей», территориальная целостность – условие *возникновения* народа. Это – «колыбель» народа. В историческом времени связь народов с землей подвижна, народы перемещались по земле (иногда даже происходили их массовые «переселения»).

В своем развитии народы осваивают новые ландшафты и новые способы ведения хозяйства, наполняют землю своей культурой, и она становится им родной. Можно сказать, что земля и народ создают друг друга. Народы складывались, коллективно думая о *своей* земле и земле значимых *иных* («там, за рекой, немецкая земля»). Земля – не безучастное физическое пространство, а пространство *человеческое*. Породнение с землей – важная часть культуры народа (а также обычаев и права). Немного погодя мы приложим усилия для расширения познаний в этом вопросе, поскольку демагоги выработали способы стравливать народы, совместно проживающие в одних ландшафтах.

А в каждый момент связь народа с «его» землей настолько привычна, что воспринимается как нечто естественное, природное. Народы, оторвавшиеся от родной земли, вызывают недоверие (таков был удел евреев и цыган). Представление о родной земле – важная часть мировоззрения каждого народа как основы его культуры.

На развитие русского народа повлияли два разных типа восприятия земли. Первый (*статический*) складывался в сознании земледельцев. Земля воспринималась как серия кругов, затухающих к границам неведомого. В центре находится дом (деревня) человека, дальше пояс полей и выгонов, еще дальше лесные угодья общины. За ними – дальние пространства. Другой тип (*динамический*) представляет землю как путь-дорогу. Это сеть маршрутов движения – воинов, купцов, паломников. Образ дальней дороги очень важен для русского сознания. Поэт Клюев даже сказал: «Россия – избяной обоз».

Движение русских землепроходцев – особое порождение нашей культуры. Его связывают с особым взглядом православного богословия, с поиском «Преображения», при котором земное странствие связано с обожествлением мира. Так было с движением на Север. Еще важнее этот мотив был в движении к Тихому океану и в освоении Америки, которая находилась «за морями-океанами».

Образ земли относится к числу главных *этнических символов*, его надо оберегать и противодействовать попыткам его разрушить или осмеять. Судьба «родной земли» затрагивает самые глубокие структуры национального чувства, и экономические критерии здесь почти не играют роли. Этого не понимают российские реформаторы или делают вид, что не понимают.

В информационно-психологической войне, которая ведется уже двадцать лет против русского народа, образ нашей земли является одним из главных объектов атаки. У нас пока нет достаточных средств для контратак, но мы уже можем организовать оборону и понимать смысл приемов вражеской пропаганды.

Земля и граница

Мы говорили, что людей связывает в народ чувство общего владения *родной землей*. Помимо самой земли влияние на здоровье народа оказывает и такая символическая вещь, как *граница*. Граница уже в самых древних государствах приобретала священный смысл – она определяла пространство родной земли и часто становилась *этнической* границей. Внутри нее живет *наш* народ. Некоторые ученые считают, что граница – это перешедший в культуру присущий животным инстинкт гнезда, норы («периметра безопасности»). Замкнутая ограда, даже символическая, есть условие «морального и физического комфорта» – как для отдельной семьи, так и для народа.

Сейчас, когда развал СССР разрушил границы России, русский народ живет в тревоге, часто неосознанной. Лучше это положение осознать разумно, оценить угрозы трезво и не позволять демагогам создавать психозы. При уязвимости границ в национальном сознании всегда возникает болезненная тревога, а иногда и фобии – страх перед иными народами, представляющими угрозу целостности «своего» пространства. К числу таких укорененных страхов относятся и *русофобия* Запада, представление русских как «варвара на пороге».

Сильнейшее потрясение для русских вызывает вторжение (нашествие) врагов и иностранная оккупация их земли. Объяснить это европейцу непросто, их междоусобные войны угрозы гибели народам не несли. Например, французы из наполеоновской армии искренне не понимали, почему их с такой яростью поднимают на вилы русские крестьяне. Ведь они несли им прогресс! Это чувство было точно выражено в главном лозунге Великой Отечественной войны: «Смерть немецким оккупантам!» В нем было указано главное зло – *оккупация* родной земли и главный признак злодея – *этнический*. Не буржуй и не фашист оккупирует нашу родную землю, а *немец*. Буржуй бы завладел землей как средством производства, фашист – как идеологический враг советской власти. Немец оккупировал *русскую*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.